

Поезд стоял здесь две минуты. Я вышла на дощатый перрон и тоскливо огляделась: ни души. Оно и понятно — будний день. Я вздохнула и, спустившись по шатким ступеням, быстро пошла по тропинке. В домике путевого обходчика уютно горел свет. В незашторенном окне был виден стол с самоваром и девочка в красном платье, она громко читала стихотворение: «Люблю грозу в начале мая...» В этот момент поезд содрогнулся и неторопливо пополз дальше. Паровоз и четыре вагона — местные почему-то прозвали его «Тарзан».

Тропинка свернула в лес. Я опять огляделась. Никого. Может, и к лучшему. А ну как моим попутчиком оказался бы незнакомый мужчина? То-то, двигай ногами и радуйся. Я взглянула на часы: 22.45. «Тарзан» пришел на станцию без опоздания. Впрочем, какая станция? Полустанок с невероятно поэтическим названием «49-й километр». Леспромхоз и несколько деревушек по десять-пятнадцать домов, зимой почти пустынные, летом оживающие из-за наплыва дачников. В одной из таких деревушек у Соньки дача. Туда я и направляюсь. Возле железной дороги было еще

светло, но стоило войти в лес, как я оказалась в темноте. Здесь, в лесу, уже хозяйничала ночь. Тропинку потерять я не боялась, но идти одной было все-таки жутковато. Я попробовала петь, голос звучал как-то неестественно, бодрости мне это не прибавило, я замолчала. И подумала о Соньке. Есть люди, которые могут испортить вам день, а есть такие, что портят жизнь. Сонька никогда не мелочилась. Сейчас она скорее всего смотрит телевизор или спит, как лошадь, и думать не думает, что я иду по лесу одна и, между прочим, трушу.

— Когда-нибудь я ее все-таки поколочу, — громко заявила я, и мне сразу стало легче. Хотя колотить Соньку дело зряшное, ее можно пережить, как землетрясение. Или не пережить.

Мы познакомились с ней восемь лет назад в Ялте, где вместе отдыхали. Вернулись в родной город, и вечером того же дня Сонька заявила ко мне. С тех пор моей правильной, размеренной жизни пришел конец. Вот, к примеру, какого черта я иду ночью пешком по лесу? Я иду спасать Соньку. Интересно, от чего? Сегодня днем она позвонила мне на работу. Лида Малышева заглянула в кабинет и сказала:

— Маргарита Петровна, вас к телефону. Срочно.

Я тяжело вздохнула и поплелась на первый этаж, где у нас один на всех телефон. Срочно, значит, Сонька. А я-то надеялась отдохнуть от

нее хоть недельку. Три дня назад она уехала на дачу с намерением жить там все лето. До этого она месяца два болтала о том, что русские аристократы были не дураки, когда с мая по сентябрь жили в деревне, а на зиму возвращались в столицы. Конечно, о том, что Сонька все лето просидит в своей Куделихе, я даже не мечтала, но звонить через три дня все-таки свинство. Может, она уютюг забыла выключить, когда уезжала, и я отделаюсь малой кровью?

Я сняла трубку и услышала Сонькин голос:

— Гретка, это ты?

— Нет, не я.

Тут надо кое-что пояснить: в начале нашего знакомства я проболталась Соньке, что родители дома звали меня Гретой, не иначе как у меня с головой неладно было, потому что Соньке это необыкновенно понравилось, и вскоре не только она сама, но и все мои знакомые по-другому меня уже не называли, начисто забыв, что до той поры я была Маргаритой и меня это вполне устраивало. Сначала я злилась, потом привыкла.

Родители мои из поволжских немцев. Именно поэтому Сонька звала меня «белокурой бестией». Бог знает где она услышала этот арийский термин, сама-то она утверждала, что в умной книге вычитала. Но это вранье, конечно, потому что ничего, кроме объявлений в газетах, Сонька не читала. Однако стоило ей разозлиться, и из белокурой бестии я превращалась в недобитую фашистку. К сча-

стью, Сонька злилась редко. В наследство от родителей мне досталась открытка, где юная дева в обрамлении пунцовых сердечек сидела возле ручья, наподобие нашей Алenuшки. У девы были белокурые волосы, алый ротик и фарфоровые глазки подозрительной голубизны. Внизу подпись, что-то вроде «Люби меня, как я тебя», жуткая гадость. Сонька, увидев открытку, покатила со смеху и спросила: «Это не ты, случаем, позировала?» Я могла злиться сколько угодно, но она была права: юная дева на открытке здорово на меня смахивала, и это тоже порядком отравляло жизнь. Стоило мне надеть что-нибудь романтическое, Сонька начинала фыркать, да и сама я, убедившись в том, что выгляжу принцессой из сказок Гофмана, вновь облачалась в деловой костюм. А вот Сонька могла носить что угодно, ей всегда все было к лицу. Волосы у нее темные, глаза зеленые, словно у кошки, и улыбка — до ушей.

Не знаю, что заставляет меня терпеть ее столько лет. Сама она объясняла это подсознательным чувством вины. (Сонька часов по десять в день смотрит телевизор и так поднатрела в психологии, что спасу нет.) А дело в том, что ее дед по отцу был евреем и погиб во львовском гетто. Когда моя подружка считала, что это выгодно, она запросто могла прикинуться еврейкой, хотя из всего касающегося этого библейского племени знала только название древней столицы — Иерусалим — да пару бытовых анекдотов про Аврама и Сару.

В общем, если верить ей, выходило, что я искупаю вину своего деда перед Сонькиным. Насколько мне было известно, все мои родственники в то время пребывали гораздо северо-восточнее города Львова, причем и не по своей воле, но мою подружку это заботило мало. Не знаю, как насчет вины, но действовала она на меня, словно удав на кролика, что позволяло ей подолгу жить в моей квартире, оставлять пятна на моей одежде и стаптывать мои туфли.

Теперь должно быть ясно, почему я так обрадовалась очередной Сонькиной фантазии: провести лето в деревне. К несчастью, в деревушке у пенсионера Николая Максимыча имелся телефон, старики вокруг одинокие, рядом летняя дойка, вот телефон лет пять назад и поставили. Не будь я законопослушной гражданкой, давно бы повредила кабель...

Возвращаюсь к ее срочному звонку.

Я тяжело вздохнула, а Сонька спросила как-то вяло:

— Это ты или не ты?

— Ну, я. Как там дела у русской аристократии?

— А мне откуда знать?

— Что ж так?

— А вот так. Меня сейчас занимают другие мысли. Вот, к примеру, для чего мы пришли в этот мир?

— Ты прямо сейчас хочешь это выяснить? — поинтересовалась я. Сонька обиженно засопела.

— Дура ты бесчувственная. У меня депрессия.

— Не знаю такого слова.

— Все ты знаешь.

— Слушай, а кто за звонок платить будет? Ты ж собиралась экономить.

— Ты самый близкий для меня человек. Я нахожусь на грани...

— Отойди от нее в сторонку. — Мне стало стыдно, и я, сменив тон, спросила: — Чего у тебя?

— Славка — подлец...

— А, про Славку я все знаю.

— Нет, не все, — разозлилась Сонька, — приезжай, поддержка нужна.

— Приеду, — вздохнула я, — в пятницу.

— В пятницу твоя помощь может уже не понадобиться.

— Ты не топиться ли собралась?

— А что, получше меня люди руки на себя накладывали. Вот Анна Каренина...

— Она под паровоз бросилась, — уточнила я.

— У меня «Тарзан» под боком.

— Семь километров. Ты ленивая, пока доплетешься, передумаешь.

— Остри себе на здоровье. Конечно, моя жизнь в масштабах человечества мало значит, но нет человека, который был бы, как остров, сам по себе, каждый человек — это часть материка...

Тут до меня дошло, что Сонька цитирует Джона Донна, которого не может знать в силу своей беспросветной дремучести.

— Эй, — насторожилась я. — Это еще откуда?

— Это Хемингуэй.

— Ты читаешь Хемингуэя? — опешила я.

— Да.

— Врешь, — теперь я испугалась, и было чему: Сонька ничего интеллектуальнее мексиканских сериалов на дух не выносила. Приходилось признать, что с ней в самом деле что-то не так. — На какой странице? — все еще не теряя надежды, спросила я.

— На двести тринадцатой... Хочешь, расскажу о чем?

— Нет, — всерьез разволновалась я, — может, тебе не стоит читать, может, ты лучше телевизор посмотришь?

— Не вижу смысла, — вздохнула Сонька.

— Ладно, поищем вместе.

— Приедешь?

— Приеду.

— С «Тарзаном».

— Очумела, что ли? Семь километров пешком.

— Я тебя на велике встречу.

— Иди ты со своим великом знаешь куда! Попрошу кого-нибудь подвезти.

— Картошки захвати.

— Что, у тебя картошка кончилась?

— Она и не начиналась, кто ее сажал?

— У Максимыча купишь, — сказала я и повесила трубку.

День, который начался так паршиво, не сулил ничего хорошего. Если бы голова моя работала исправно, я бы забыла этот разговор

через полчаса. Но я-то знала, что поеду к Соньке, буду слушать ее бесконечное нытье и рассказы про подлеца Славку. К несчастью, слова: дружба, ответственность, верность — для меня не пустой звук. Правда, сейчас дружба казалась мне глупостью, а мой поход через лес — следствием белой горячки. Впереди вырисовывался деревянный мост, это значит, что прошла я только два километра. Да, день не задался. Договорилась с приятелем, что он отвезет меня к Соньке, прождала его больше часа, он позвонил, страшно расстроенный, и сообщил, что у него угнали машину, прямо со стоянки возле дома. Сделав несколько бесполезных звонков, я поняла, что, если хочу попасть к Соньке, придется мне добираться «Тарзаном». И вот теперь бреду в темноте по лесу, стучу зубами от сырого воздуха и страха, а ради чего? Чтобы спасти Соньку? Ее надо от самой себя спасти, но это, к сожалению, невозможно!

Я ускорила шаг, чуть согрелась и почувствовала себя несколько лучше. Все бы ничего, да завтра на работу, впрочем, первое занятие в четыре, успею отдохнуть. Сейчас приду, напьюсь чаю, завалюсь спать.... Из кустов шумно выпорхнула птица. Я вздрогнула, а потом засмеялась. Просто удивительно, как меняются ощущения, лишь только окажешься в темноте. Вот я, к примеру, совсем не трусиха, да и чего мне бояться? Зверья? Так ничего опаснее зайца здесь не водится, лесные разбойники тоже как-то не прижились, а вот иду и

вздрагиваю от каждого шороха. Днем — совсем другое дело: шла бы не торопясь, птиц слушала и радовалась, что вырвалась из города. Тропинка устремилась в гору, и я вместе с ней, вот поваленная береза, значит, осталось мне чуть больше двух километров. И тут до меня дошло, что идти придется мимо кладбища. Я машинально взглянула на часы: полночь. Ну надо же... В рассказы о привидениях я, конечно, не верю, но кому придет охота идти ночью в лесу мимо деревенского кладбища? Конечно, его можно обойти. Только в такую темень заблудиться проще простого, да и крюк приличный... Бегом, и направо не смотреть.

Решившись, я пошла быстрее, кладбище вот-вот должно было показаться за деревьями. И тут... Свет, тусклый, блеклый, какой-то призрачный, слабо пробивался сквозь ветви. В первое мгновение я хотела заорать и броситься по тропинке назад, но что-то меня удержало. Я замерла, вытаращив глаза, и стояла так пару минут, прежде чем до меня дошло: свет этот не имел никакого отношения к мистике — вплотную к кладбищенской ограде, представляющей собой деревянные столбы, соединенные между собой слемами, лопнувшими во многих местах, стояла машина. Свет ее габаритных огней я и увидела. Облегченно вздохнув, я прошла еще пару метров и встревоженно притормозила. За оградой вырисовывались две фигуры и, если я в состоянии что-то понимать, рыли могилу. Тут до меня

дошло, что встреча с привидениями далеко не самая опасная вещь на свете, поэтому тихо сползла на землю, под прикрытие куста бузины. Я могла заметить их слишком поздно — от этой мысли мороз пошел по коже. Что они тут делают? Неужели могилы грабят? Очень некстати я вспомнила «Тома Сойера»: «Неожиданно показавшаяся из-за туч луна осветила лицо индейца Джо...» Ну надо же... Глаза привыкли к темноте, и я неплохо видела обоих мужчин: голова одного то исчезала, то снова показывалась из ямы, второй стоял наверху, метрах в двух от машины, и поглядывал по сторонам. Я поплотнее прижалась к земле, но наблюдать продолжала. И о Соньке подумала: а что, если ей придет фантазия меня встречать? Нет, Сонька спит, как сурок, и обо мне думать не думает. Впервые мысль о ее безответственности меня порадовала.

— Ну, — проронил тип, стоявший наверху, и я от неожиданности вздрогнула. Второй вылез из ямы и сказал:

— Порядок.

Лицо его оказалось в полосе света, и я его, конечно, запомнила, хотя мне этого совершенно не хотелось. Мое единственное желание в этот миг — очутиться как можно дальше отсюда.

Они подошли к машине, открыли багажник и вытащили оттуда что-то большое и тяжелое. Я зажала рот рукой, чтобы не заорать, потому что вдруг поняла — это труп. Выходит, они не грабители могил, а кое-кто похуже.

С трудом они подтащили труп к яме, и тут произошло самое страшное: труп вовсе не был трупом, я отчетливо услышала стон.

— Быстрее давай, — сказал один из мужчин, столкнув ногой тело в яму. Оба взялись за лопаты и стали ими ходко орудовать. Волосы у меня буквально встали дыбом, потому что тот, в могиле, опять застонал.

Работали они быстро, через несколько минут яма была закопана, землю притоптали ногами, и один из них бросил другому:

— Порядок. Поехали.

Они сели в машину, развернулись и направились по песчаной дороге в сторону Зайцева. А я заревела от страха, кинулась к могиле и стала ее раскапывать руками, оглядываясь на дорогу и замирая от ужаса при мысли, что те, на машине, могут вернуться. Мне казалось или я на самом деле слышала стоны, не знаю, но ногти на руках я сломала, а в своей работе продвинулась мало. И я побежала. Наверное, изловчилась побить мировой рекорд, потому что через несколько минут была уже возле Сонькиного дома. Он крайний, мимо него проходит дорога. Окна темные, я влетела в палисадник, вскочила на лавку и забарабанила в окно. Кажется, прошла вечность, прежде чем в доме кто-то заворочался, я опять стукнула по стеклу и заорала:

— Да открой ты, дура!

— Гретка, ты, что ли? — послышался зашпанный Сонькин голос, окно открылось, и